

Следующие несколько дней прошли в полном покое: никто не тревожил Су У, и жизнь казалась удивительно размеренной и безмятежной.

Однако эта идиллия разрушилась в одно утро, едва он успел подняться с постели. Раздался звонок от Сун Чжао — голос того дрожал от возмущения: Су У обвиняли в плагиате.

Су У замер от неожиданности.

Как выяснилось, скандал вспыхнул из-за популярного художника с верифицированным аккаунтом на Вэйбо. Тот ни с того ни с сего выложил пост с прозрачными намеками: мол, один из мастеров известной арт-студии бесовестно копирует его авторский стиль. Разъяренные подписчики тут же завалили блогера вопросами, и «мэтр» не удержался — открыто назвал студию. А вычислить самого «подражателя» фанатам не составило труда: все указатели вели на Су У.

У самого Су У личной страницы на платформе не было, поэтому разъяренная толпа хлынула на официальный профиль студии. Комментарии пестрели ядовитыми насмешками, требованиями публичных извинений и «доказательствами» — наложенными друг на друга рисунками.

«Ну надо же! Стоит нашему мастеру набрать популярность, как тут же набегают всякие бездари и воруют его стиль!»

«Противно читать. И этот человек еще смеет называться художником!»

«Откуда только берутся такие профаны? Чему он вообще может научить людей?»

Су У лишь бегло пролистал ленту — грязь и желчь лились сплошным потоком.

На другом конце провода Сун Чжао почти кричал, срываясь от злости:

— Да где у них глаза?! В каком месте тут похожий стиль? Он что, теперь единолично владеет правами на прорисовку волос и складок одежды?!

— Чжао-чжао, не кипятись, — тихо проговорил Су У. — Я уже обо всем поговорил со студией. Они прекрасно знают ситуацию и сейчас готовят официальное опровержение.

Сун Чжао как раз открыл обновленную страницу — заявление действительно появилось. Но распалившаяся толпа и не думала успокаиваться: фанаты слепо твердили свое, упиваясь собственной праведной яростью. Чжао-чжао уже готов был броситься в комментарии и сцепиться с каждым из них, но Су У вовремя его остановил.

— Чем активнее ты споришь, тем сильнее они убеждаются в своей правоте. Это просто

незрелые люди, не принимай близко к сердцу.

Прижимая к груди Туаньтуаня, Су У подошел к окну и замер, всматриваясь в непроглядную темноту ночного двора.

— Но я просто не могу молча на это смотреть! — Чжао-чжао тяжело вздохнул. Понимать-то он все понимал, но разум бессильно пасовал перед захлестнувшей обидой. — Неужели ты оставишь всё как есть?

— Я дал объяснения, студия выпустила заявление. Поверь, через пару дней шум утихнет сам собой.

Мнение сетевой публики его ничуть не трогало.

Сун Чжао немного остыл, но тут же вспомнил еще кое-что:

— Слушай, А И... А ведь тот парень, который поднял весь этот хай, раньше крутился возле Мэн Чэнсю. Как думаешь, он сделал это не ради него?

При имени Мэн Чэнсю лицо Су У не выразило ни единой эмоции:

— Не знаю. Впрочем, Мэн Чэнсю больше не имеет ко мне никакого отношения. Думаю, на днях я наконец получу свидетельство о расторжении брака.

— Так быстро?! — воодушевился Сун Чжао. — Сяо У, давай я прямо сейчас познакомлю тебя с нормальными парнями! Обещаю, любой из них будет в тысячу, в миллион раз лучше этого подлеца!

Он тут же принялся пересылать контакты проверенных знакомых.

— Не нужно, Чжао-чжао, — Су У сдержанно улыбнулся, рассеянно разглядывая свои ногти. — Сейчас я не хочу никаких отношений. А сразу после развода планирую уехать — хочу немного попутешествовать.

Ногти на его руках были странно длинными и заостренными — словно у жуткого призрака из старых сказок. Сколько бы он их ни стриг, они отрастали вновь с пугающей скоростью. С его телом происходило что-то дикое, противоестественное. В больнице врачи лишь разводили руками: все анализы показывали идеальную норму. Поделиться этой жутью было не с кем. Оставалось лишь каждый день со страхом обрезать ногти и волосы, а по ночам... по ночам его неудержимо тянуло к открытому холодильнику, где он мог часами сидеть, жадно ловя ледяной воздух.

Су У понимал: долго скрывать эти аномалии не удастся. Единственный выход — уехать подальше и вести уединенную жизнь. Но делиться этими страхами с Сун Чжао он не стал, не желая взваливать на него лишние тревоги.

— Развеяться — отличная идея, — искренне поддержал его Чжао-чжао. — Поезжай и отдохни как следует.

— Обязательно.

Закончив разговор, Су У насыпал Туаньгуаню корма и мельком взглянул на экран телефона. Лента Вэйбо обновилась: в самом верху висел свежий пост с публичными извинениями.

Автором оказался тот самый клеветник. Су У слегка удивился такой ошеломительной скорости, но списал всё на оперативную работу юристов студии и выбросил это из головы.

А в это время на другом конце города кое-кто дрожал от ужаса, стоя на коленях на холодном полу.

— Господин Мэн... я написал извинения! Всё сделал, как вы приказали! Пожалуйста... вы ведь отпустите меня?

Су Цин — хрупкий, смазливый юноша с заплаканным лицом — снизу вверх умоляюще смотрел на человека перед собой. Он пытался вызвать жалость, рассчитывая тронуть сердце мужчины, стоящего перед ним подобно разъяренному демону.

Но Мэн Чэнсю лишь искажился в жуткой, оскаленной ухмылке. Под полным ужаса взглядом Су Цина он медленно протянул руку и сжал его горло, смыкая пальцы всё сильнее.

— Кто дал тебе право... трогать его? — выцедил Мэн Чэнсю.

Он был похож на безумца, потерявшего последние остатки разума. Еще немного — и пальцы с хрустом переломят тонкую шею этого ничтожества.

— Нет... п-пожалуйста... Мэн...

Слова застревали в пережатой гортани. Воздух стремительно покидал легкие, и Су Цин с ужасом понял: этот человек действительно его убьет. Он и помыслить не мог, что ветреный Мэн Чэнсю, никогда не отличавшийся верностью, окажется настолько одержим своим тихим мужем. Одержим до такой степени, что готов совершить убийство!

Дикий страх затопил сознание. Су Цин отчаянно забился, но от этого хватка на шее стала лишь крепче. Перед глазами поплыли багровые круги. В тот самый миг, когда грань между жизнью и смертью практически истончилась, тяжелая дверь комнаты с грохотом распахнулась.

В помещение въехала пожилая женщина в инвалидном кресле.

— Ты что, в тюрьму захотел?! — властно выкрикнула она, делая знак сопровождающим.

Охрана тут же бросилась вперед и оттащила Мэн Чэнсю. Су Цин рухнул на пол, жадно и судорожно хватая ртом воздух. В следующий миг тишину разорвал звонкий, хлесткий звук пощечины.

Су Цин в шоке поднял глаза.

Женщина смотрела на собственного сына с бесконечным брезгливым презрением:

— Позорище! И это мое отродье? Из-за какого-то мужика совсем мозги растерял!

Затем ее ледяной, словно лезвие бритвы, взгляд скользнул по скулящему на полу Су Цину. От этого единственного взгляда сердце юноши едва не остановилось от ужаса. От женщины веяло такой темной, смертоносной угрозой, что он даже пикнуть не смел.

Чжоу Цяоцяо лишь мельком окинула взором жалкого, хрупкого юношу и вновь повернулась к сыну. Ее голос зазвучал ласково, но от этой фальшивой нежности мурашки бежали по коже:

— Ничтожество.

С самого появления матери Мэн Чэнсю словно потерял способность бунтовать. Его белки были налиты кровью, глаза пылали дикой яростью, но он безропотно покорился.

Вернувшись в особняк, Чжоу Цяоцяо указала сухим пальцем на дверь на втором этаже:

— По старой схеме. Заходи.

Стоявший подле нее Управляющий Сунь заметно побледнел и попытался вступить:

— Госпожа Мэн... Могу ли я просить вас... Это ведь слишком, госпожа.

Однако Чжоу Цяоцяо осталась глуха к мольбам старого слуги.

— Я годами вбивала в его дурную голову: нельзя быть мягкотелым! Мужчина должен быть холодным и расчетливым, как его отец! А он? Устроил цирк из-за какого-то Су У! И ведь как гордо доказывал мне раньше, будто тот любит его без памяти! Ну и где теперь эта любовь, Мэн Чэнсю? Тебя просто выбросили как ненужный мусор. Такой же наивный дурак, как и твой папаша. Готов ползать на коленях ради призрачных иллюзий.

Мэн Чэнсю молчал. Он лишь тяжело дышал, сжимая кулаки так, что костяшки побелели, и не сводил с матери налитых кровью глаз:

— Су У любит меня. Он не сможет уйти.

Чжоу Цяоцяо лишь презрительно хохотнула:

— И ты правда в это веришь?

Высоко подняв подбородок, Мэн Чэнсю развернулся и твердым шагом направился к знакомой двери.

Внутри стояла непроглядная, гробовая тьма. Едва он переступил порог, замок снаружи со щелчком закрылся.

Это было любимое наказание Чжоу Цяоцяо за любое непослушание. С самого раннего детства за малейшую провинность его запирали в этой абсолютно темной комнате на несколько дней и ночей — пока он не сломается и не станет молить о прощении.

Ему было всего три года, когда его впервые заперли здесь. Напуганный малыш бился в закрытую дверь, захлебываясь слезами и криками. Но никто не пришел на помощь.

«Спасите меня... Пожалуйста, я буду послушным! Выпустите меня, здесь так темно... Мамочка, открой!»

Крик сменился тихими всхлипами, пока обессиленный ребенок не упал на холодный пол. А когда он очнулся, вокруг по-прежнему стояла всё та же глухая, непроглядная тьма. И вместе с этой тьмой внутри него навсегда умерли надежда и вера.

Мэн Чэнсю привычно опустился в угол — в то самое место, где просидел сотни часов в детстве.

Но на этот раз сквозь мрак и боль перед его взором всплывал образ Су У. И заново звучали слова матери, бьющие без промаха: «Он тебя не любит».

Мэн Чэнсю вспомнил их самую первую встречу. В тот день он подумал: «Какой же он красивый...»

А потом долго не мог понять: почему такой человек выбрал именно его?

Непонимание сменилось восторгами. Мэн Чэнсю быстро привык к этой безусловной заботе, к полной растворенности Су У в нем, к его предательской, неизменной десятилетней любви.

И вот теперь, когда этот человек решительно отвернулся и сделал шаг прочь, Мэн Чэнсю в панике попытался схватить его, удержать... но пальцы лишь рассекли пустой воздух.

Очнувшись от воспоминаний, Мэн Чэнсю снова ощутил душную тьму запертой комнаты. Су У действительно подал на развод. Су У действительно собирался его бросить.

В груди вспыхнула дикая, невыносимая боль, будто сердце полоснули ржавым ножом. Он панически боялся быть отвергнутым. Именно поэтому он никогда не отвечал на чужие чувства — верил, что если не впускать никого в душу, то тебя никто и не сможет предательски бросить.

Прошло три дня, прежде чем дверь подвала отперли.

Управляющий Сунь с глубоким сочувствием встретил выходящего молодого хозяина:

— Молодой господин, я приготовил вам горячий отвар, чтобы успокоить желудок. И ванна готова, отдохните...

Мэн Чэнсю выглядел ужасно: обросший густой щетиной, с запавшими глазами, испещренными красными прожилками, в измятой одежде. Но на слова старика он лишь резко взмахнул рукой:

— Машину. Живо.

Вопреки истощению, в его глазах пылал нездоровый, фанатичный огонь.

Он должен был увидеть Су У. Прямо сейчас.

Спустя час представительский автомобиль затормозил неподалеку от дома Су У. Но когда Мэн Чэнсю взглянул сквозь затемненное стекло, его сердце пропустило удар: рядом с его мужем стоял незнакомый мужчина. Они о чем-то тихо разговаривали.

В то же мгновение лицо Мэн Чэнсю исказилось от слепой ярости. Взгляд стал ледяным и налился смертельной угрозой.

— Жми на газ, — хрипло выплюнул он водителю. — Тарань их.

<http://bllate.org/book/20050/1990538>